

М.Г. Меерович Альберт Кан в истории советской индустриализации

АЛЬБЕРТ КАН В ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ¹

В мировой истории промышленного производства XX века имя Альберта Кана не просто широко известно. Оно находится на недостижимой для многих корифеев-архитекторов высоте, так как неразрывно связано с поистине эпохальным изобретением индустриальной эры — методикой скоростного поточно-конвейерного производства архитектурно-строительной проектной документации. Эта методика произвела подлинную революцию в архитектурной проектной деятельности, так как превратила проектирование из «художественного творчества» в «индустриальное производство». Изобретенная и практически внедренная А. Каном в деятельности возглавляемой им фирмы, она, фактически, представляла собой особую технологию проектного дела, которая позволяла создавать комплекты чертежей крупных промышленных предприятий в немислимо короткие сроки. И потом также стремительно реализовать их, так как проектные решения изначально увязывались с сортаментом конструкций и монтажно-техническими возможностями строительных подрядных фирм, производящих работы.

При этом, в истории советского промышленного проектирования имя Альберта Кана бесследно спрятано под толстым слоем безосновательной критики, наглухо замазано лживыми обвинениями и надежно укрыто под вывеской советского проектного института «Госпроектстрой», специально созданного в 1930 г. для «снятия слепка» с инновационной методики разработки проектов, опробованной и внедренной Альбертом Каном в США. Удивительно, но в результате этого «копирования», имя Альберта Кана оказалось накрепко сплетено не только с именами людей, которые от лица советского правительства вели с ним переговоры, заключали контракты и трудились в его детройтском офисе — С.Г. Брон, Э. И. Гуревич, А. Ю. Божко, С. М. Лещенко и др. Но и с теми, которых он никогда не видел и с которыми ни разу даже не встречался: Г.К. Орджоникидзе, В.А. Веснин, А.С. Фисенко, В.Д. Цветаев и даже И.В. Сталин.

Переплетение эти были довольно странными. Так, Виктор Веснин — единственный из «архитектурных генералов» сталинской эпохи, осмелившийся прислать вдове А. Кана телеграмму-соболезнование по поводу смерти мужа. Этот поступок тем более значим, что был осуществлен после того, как фирма А. Кана была изгнана из СССР, а имя самого А. Кана основательно опорочено. Причем, человеком, который был не просто «архитектурным генералом», а скорее «маршалом» или даже «верховным главнокомандующим» советской архитектуры, поскольку занимал наивысший по реальному влиянию пост — главного архитектора ВСНХ, т. е. «архитектурного менеджера» всего советского индустриального строительства первых пятилеток. В этом отношении В.А. Веснин являлся правой рукой С. Орджоникидзе ² — с 1930 г. председателя ВСНХ, а затем наркома тяжелой промышленности, ответственного за всю советскую индустрию; главного застройщика военно-промышленного комплекса, так как стратегия ассимилированного военно-гражданского производства превращала все, без исключения, новые производственные объекты — в военные. И не только промышленные, но и гражданские, так как и швейные, и обувные фабрики, и заводы бытовой оптики, и мясо-молочные производства, и текстильные комбинаты, и фабрики резиновых изделий и многие другие

---

¹ Выполнено при финансовой поддержке краткосрочного гранта в области гуманитарных наук Американского Совета научных Обществ (2008–2009 гг.) по теме: «Альберт Кан в советской индустриализации»

² Григорий Константинович Орджоникидзе (1886–1937)

были элементами единой системы подготовки в большой войне. И даже учебные здания (школы, фабрично-заводские училища и т. п.) проектировались и строились в предвоенные годы с учетом будущей «военной составляющей» — возможности размещения в них госпиталей. С. Орджоникидзе принимал личное и непосредственное участие в выборе иностранных специалистов и фирм, такого масштаба как А. Кан, привлекаемых к подрядам по развертыванию советской военной индустрии, так как за выполнение планов первых пятилеток отвечал головой.

Роль В.Д. Цветаева тоже проявляется весьма необычно. Он единственный, кто оставил в истории основательное письменное свидетельство влияния американского проектного опыта на формирование системы проектного дела в СССР — его фундаментальный труд «Фабрично-заводская архитектура», вышедший в свет в 1932 г. пестрит словосочетаниями: «металлическая колонна американского типа», «железнодорожные ворота американского типа», «тележка для очистки стекол американского типа», «ферма американского типа», «железобетонный башмак американского типа» и т. п. В последующие годы идеология тщательно вымарывала подобные указания, извлекала из недр библиотек и утилизировала «неправильные» книги, в итоге, сегодня труд В.Д. Цветаева сложно найти на полках российских технических библиотек. Хотя этой книге еще повезло и она не уничтожалась с тем остервенением, с каким извлекались из памяти многие другие книги, а их авторы — из жизни.

Имя А.С. Фисенко с именем А.Кана переплетено более тесно. Хотя они тоже никогда лично не встречались. Анатолий Степанович Фисенко — главный архитектор «Госпроектстроя» — проектной организации, находящейся в подчинении ВСНХ, руководил работой по переносу американского опыта поточно-конвейерного проектирования промышленных предприятий на советскую почву и адаптации его к отечественным условиям проектного труда и специфике строительного производства. О прямом «калькировании» проектной деятельности, о непосредственном воспроизведении американского прототипа не могло быть и речи, настолько несхожими были и условия работы, и техническое обеспечение проектной деятельности, и сама философия проектирования, и состояние базы стройиндустрии, и характер кооперации между различными дисциплинарными разделами проекта, и квалификация исполнителей, и многое многое другое.

Уникальность и сверхсложность «привязки» американской технологии была вызвана еще и тем, что происходила она «с колес», т. е. в ходе непрерывного реального проектирования. Огромных организационно-управленческих и интеллектуальных усилий требовало осмысление того, как заполнить разрыв между двумя очень разными подходами в проектировании промышленных объектов — инновационной американской и традиционной российской. И здесь молодым руководителям этой работы в формирующейся государственной системе архитектурно-проектного дела совершенно неожиданно помогли методология и способ мышления конструктивизма. Из архитекторов именно этого творческого направления начальство ВСНХ прозорливо подбирало кадры подведомственных проектных институтов. И именно через промышленное проектирование первой пятилетки, в конечном счете, базовые постулаты конструктивизма вошли в коллективное подсознательное профессии и, впоследствии, превратились в «советский функционализм», закрепившись через сформированные в тот же период системы нормативов, типоразмеров и стандартов. Подобный опыт пригодился очень скоро — в годы войны — А.С. Фисенко пришлось курировать точно такую же «с колес» привязку и до предела ускоренного проектного процесса, и до наикратчайших сроков ужатого процесса перебазирования и возведения новых авиазаводов.

Связь с фигурой И.В. Сталина просматривается значительно прозрачнее. И выглядит почти фантастической. Но до сих пор, так и ни подтверждена, и ни отвергнута. Речь идет об удивительной, ничем не объяснимой победе американского участника Гектора Гамильтона

во втором туре конкурса на Дворец Советов ³. Во-первых, невероятным является тот факт, что работа была принята к рассмотрению, несмотря на то, что поступила «после конкурса» ⁴. Во-вторых, то, что явно слабый (в сравнении со многими другими) проект американского архитектора, представленный под девизом «Простота», удостоился не просто внимания, а был поставлен, практически, на вершину наградного пьедестала ⁵.

По некоторым свидетельствам именно Альберт Кан сыграл значительную роль в участии Гектора Гамильтона в конкурсе на Дворец Советов, помогая «Амторгу» ⁶ в установлении контактов и договоренностей с американскими архитекторами. Есть предположение, что никому неизвестный до того времени американский архитектор Г. Гамильтон принял участие в конкурсе по его личной рекомендации и что именно Альберт Кан повлиял на подведение итогов конкурса в пользу своего протеже ⁷. Существует предположение, что вручение проекту Г. Гамильтона высочайшей награды было своеобразным прощальным подарком А. Кану лично от вождя Страны Советов ⁸.

Целенаправленное затушевывание роли А. Кана в становлении поточных методов проектирования советских промышленных предприятий и технологии управления проектным процессом, в передаче образцов конструктивных решений отдельных деталей, узлов, элементов, компоновки групп помещений и трансляции образцовых схем генеральных планов производственных комплексов особенно интенсивно развернулось во второй половине 1930-х гг., потому, что партийная идеология уже не способна была допустить соседство очевидного западного влияния и установки на формирование «национально-индустриального патриотизма», выражающегося в словах: «мы сами своими силами смогли все это сделать и сделаем еще больше ...». В советских журналах начинают публиковаться статьи и заметки, раскрывающие «истинную» роль сотрудников фирмы «Альберт Кан Инкорпорейтед» в СССР. Статья «Хлестаковские откровения Альберта Кана» лишь один из примеров подобных «разъяснений», в целом столь же бессодержательных, сколь и агрессивных. Без комментариев будет понятно, какие именно факты стремится опровергнуть автор статьи, опубликованной на страницах главного архитектурного журнала страны «Архитектура СССР». Тем, кто знаком с фразеологией советской прессы сталинского периода и умеет читать между строк, известно, что «опровергаемое», как правило, как раз и является правдой. Статья приводится полностью:

«Августовская книжка американского ежемесячного журнала «Architectural Forum» почти целиком посвящена крупнейшей в США проектно-строительной фирме Кан, специализировавшейся в области промышленной архитектуры.

Восторженно здесь описывается многотрудная деятельность членов

---

³ Итоги величайшего архитектурного конкурса. О результатах работ по всесоюзному открытому конкурсу на составление проекта Дворца советов СССР в гор. Москве. Постановление Совета строительства Дворца советов при Президиуме ЦИК СССР // Строительство Москвы. 1932. № 3. с. 13–15., С. 13–14.

⁴ Там же. С. 13–14.

⁵ «Совет строительства признает лучшими проекты, представленные архитекторами И.В. Жолтовским, Б.М. Иофан, представившими заказные проекты, и поступивший после конкурса проект американского архитектора Г.О. Гамильтона ...» (Итоги величайшего архитектурного конкурса. Указ. соч. С. 13–14.)

⁶ Об «Амторге» подробно см. Глава 2.

⁷ К. Ter-Akopyan, «Projektierung und Errichtung der Palastes der Sowjets in Moskau» in «Naum Gabo und der Wettbewerb zum Palast der Sowjets, Moskau 1931-33», Berlin, 1993, S.191

⁸ Там же.

«династии» Кан в различных отделах фирмы. О характере этой деятельности можно судить по следующему заявлению самого главы фирмы — Альберта Кана: «архитектура для меня на 90 % коммерция и на 10 % искусство». Слов нет — откровенный девиз, правдиво отражающий положение дел в проектно-строительных организациях США, да и во всякой другой капиталистической стране. Не нам этот девиз опровергать. Но трезвость и деловитость не всегда относятся в «коммерческом» достоинствам г. Альберта Кана. Коль скоро дело касается рекламы — маститый руководитель фирмы придерживается диаметрально противоположных взглядов: в его отчете 90 % самой фантастической лжи перемешивается с 10 % будничной правды.

В жизни фирмы был один знаменательный момент; в отчете о нем говорится даже с некоторой торжественностью: «1928 год неожиданно принес самый необычный заказ, который когда-либо был дан архитектору. В этом году группа советских инженеров пришла в контору Кан с заказом на проектирование тракторного завода строительной стоимостью в 2 млн. долларов и дальнейшей программой строительства еще на 2 млн. долларов».

Далее действие переносится в СССР. В Москве, как сообщает автор отчета в журнале «Architectural Forum», был основан «филиал конторы Кан». Инженеры из штаба г. Кана здесь совершали «подвиги», достойные былинного эпоса. Автор отчета указывает что «контора в Москве состояла из 1500 советских чертежников, которые явно никогда в жизни ни видели карандаша», что наши заводы — Большой Сталинградский тракторный и Нижне-Тагильский «строились в пустыне, в девственном лесу». В заключение скептики, не верящие в подвиги инженеров фирмы Кан, могут полюбоваться воспроизведенными в журнале новенькими с иголки заводы в Сталинграде, Челябинске и Кузнецке.

Нет нужды особенно пространно доказывать, что сообщения автора отчета в журнале «Architectural Forum» лживы с начала до конца. Никакой «филиал» фирмы Альберта Кана в Москве, конечно, никогда не существовал. Группа американских инженеров действительно была в 1928 г. приглашена в Москву на основе договора с фирмой Кан, но работала она в советском тресте «Горстройпроект»⁹ и деятельность ее была строго ограничена функциями технической помощи.

Легенды о чертежниках, «никогда в жизни не видевших карандаша», о пустынях и девственных лесах в районе Сталинградского тракторного завода у всякого читателя, мало-мальски знакомого с социалистическим строительством Страны Советов может также вызвать только веселую улыбку.

Нам понятны побуждения г. Альберта Кана рядиться в павлиньи перья, когда он повествует о работе представителей фирмы в СССР: — ведь «реклама» — двигатель торговли». Нам понятны и чувства, его обуревавшие. В невиданно короткие сроки советские инженеры, архитекторы, техники, рабочие-строители, воодушевляемые великими идеями социализма, полностью овладели своим делом. «Героическая эпоха» в жизни фирмы Кан тем самым оказалась позади. Создав самостоятельно заводы, которые во всех отношениях могут поспорить с лучшими промышленными предприятиями США, советские строители невольно нанесли ущерб «коммерции» г. Кана. Этого, конечно, никогда не сможет им простить глава фирмы, для которого «архитектура» на 90 % коммерция».

Остается только пожалеть, что, казалось бы, солидный американский специальный ежемесячник отвел свои страницы под беззастенчивое хвастовство г. Кана. Впрочем, люди, знакомые с источниками дохода многих «независимых» органов печати на Западе, легко объясняют этот, на первый взгляд странный, факт».¹⁰

---

⁹ Здесь, явная ошибка — не «Горстройпроект», а «Госпроектстрой». Но ошибка, скорее всего, не случайная — всеобщая шпиономания того времени подталкивала к засекречиванию даже, казалось бы, общеизвестных данных — М.М.

¹⁰ Хлестаковские откровения Альберта Кана // Архитектура СССР. 1938. № 10. С. 89.

АЛЬБЕРТ КАН и АНАТОЛИЙ ФИСЕНКО 11

Потомственный кубанский казак Толя Фисенко родился 19 июля 1902 г. в Москве в семье офицера-преподавателя 3-го Кадетского Корпуса им. Императора Александра-III. Из Кадетского Корпуса, в котором Толя потом учился, он вынес свободное владение несколькими иностранными языками, опыт самодисциплины, способность сосредотачивать усилия на достижении конкретной цели и, очень пригодившееся впоследствии, умение командовать подчиненными. После революции, он учится в Московский Артиллерийской школе им. Красина, а, затем, в 1919 г., поступает в Московское Высшее Техническое Училище на фабрично-заводское отделение Инженерно-строительного факультета, прежде всего, потому, что туда принимают без ценза происхождения.

Он учится у Александра Васильевича Кузнецова — многоопытного и известного инженера-строителя, конструктора, архитектора, построившего в Москве немало выдающихся объектов и, в том числе, здание Московского архитектурного института — одно из первых железобетонных сооружений. Здесь же преподают Виктор, Александр и Леонид Веснины, Алексей Викторович Щусев, с которыми у Анатолия Степановича завязываются личные отношения, сохраняющиеся, затем, долгие годы.

Голодное послереволюционное время подталкивает быстро повзрослевшего двадцатилетнего парня к самостоятельной работе — параллельно с учебой, начиная с 1922 г., он подрабатывает, сначала, библиотекарем в Артиллерийской школе, потом электротехником, затем техником-проектировщиком на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. А с марта 1924 г. под руководством А.В.Кузнецова начинает трудиться на строительстве Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ).

Сокурсники — Владимир и Геннадий Мовчаны, Лев Мейльман, Борис Варгазин, Иван Николаев, Константин Соколов, Николай Морозов и др., и во время учебы, и на все последующие годы, составляют тот круг профессионального общения, который не только обеспечивает дружескую поддержку, но и формирует высокий уровень профессиональной ответственности.

После защиты в мае 1925 г. дипломного проекта по теме «Чугунолитейный завод», Анатолий, начинает работать в должности ассистента, одновременно, на двух кафедрах — «Архитектурных конструкций» (проф. А.В.Кузнецов) и «Архитектурного проектирования промышленных сооружений» (проф. В.А.Веснин). С этого момента Анатолий Степанович непрерывно преподает. Он продолжает педагогическую работу и после реорганизации в 1930 г. Инженерно-строительного факультета МВТУ в Высшее Инженерно-строительное училище и после включения училища в образуемую Военно-инженерную Академию им. В.В.Куйбышева. В академии он руководит (сначала в должности заместителя, в затем, заведующего) кафедрой «Промышленных сооружений». С 1939 г., и далее, более 30 лет, фактически, всю свою жизнь, Анатолий Степанович возглавляет кафедру «Архитектуры промышленных сооружений» Московского архитектурного института.

Начиная с 1925 г., параллельно с непрекращающейся педагогической деятельностью, Анатолий Степанович продолжает вести практическое проектирование объектов ЦАГИ — лабораторных зданий, опытного завода самолетостроения, ангара. А также, под руководством А.В.Кузнецова, фактически, в том же коллективе, включающем братьев Мовчанов, проектирует Всесоюзный электротехнический институт (ВЭИ), вошедший,

---

¹¹ На основе интервью с сыном Анатолия Степановича Фисенко — Алексеем Анатольевичем Фисенко (окт. 2008 г.)

практически, в каждую книгу, посвященную архитектуре 1920-х гг. Анатолий Степанович возводит в ВЭИ ряд зданий, в частности, Лабораторию высокого напряжения и высоковольтных испытаний. Эти сооружения, выдержанные в конструктивистском стиле, сохранились до сих пор.

В конце 1927 г. и практически весь 1928 г. А.С. Фисенко вместе с И.С. Николаевым работает в проектно бюро Всероссийского текстильного синдиката над разработкой зданий текстильных комбинатов (в частности, льнокомбината в Орше, льнофабрики в Пскове), лаборатории шерсти в Московском Текстильном институте (здание и сейчас стоит на задворках Ленинского проспекта), хлопчатобумажной фабрики в г. Касимове и др.

Советский авангард, в основном, был сформирован молодыми людьми, воспламененными социальными идеями, идеологически провозглашаемыми советской властью. Они были, буквально, захлестнуты валом проектных работ, потому, что страна, несмотря на полную нищету, вела широкое строительство — воплощались дореволюционные строительные программы, перелицованные под задачи советской власти (ГОЭЛРО, транспортное строительство и др.), восстанавливались промышленные предприятия, реализовались новые проекты, прорабатывались поисковые идеи, осуществлялся авторский надзор. И хотя Анатолий Степанович формально не входит в творческие группировки, его проекты, «инженерно чистые» и лаконичные, привлекают внимание лидеров конструктивизма и публикуются на страницах их печатного органа — журнала «Современная архитектура».

В год окончания Анатолием МВТУ, в Советском Союзе происходит событие, которое, как потом покажет время, станет эпохальным — в декабре 1925 г. XIV съезд ВКП(б) принимает решение о превращении страны в индустриально развитую державу. Эта установка выдвигает задачу формирования государственных строительных и проектных контор, призванных развернуть широкомасштабные работы по возведению новых промышленных предприятий и поселений при них. Но только через четыре года (в 1929 г.) у власти доходят руки до практического решения второй части этой гигантской задачи — создания общегосударственной системы проектного дела. Старт этой работе дает постановление от 1 июня 1928 г. «О мерах по упорядочению капитального строительства промышленности и электростроительства»¹². Постановление содержит раздел «Использование заграничного опыта и достижений иностранной техники», который предоставляет ВСНХ возможность «привлекать иностранных специалистов для работы в государственной промышленности, в частности, по проектированию»¹³. Этот раздел и другие постановления высшей власти периода 1928–1930 гг., посвященные формированию общегосударственной системы проектного дела, появляются на свет без всякого участия со стороны Анатолия Фисенко и, казалось бы, не имеют никакого отношения к его деятельности. Однако, в конечном счете, именно они играют в его судьбе важнейшую роль. Особенно два из них — одно, упомянутое выше, другое — приказ ВСНХ СССР № 7 от 5 марта 1930 г. о создании на базе проектного бюро акционерного общества Госпромстрой Государственного треста строительного проектирования ВСНХ СССР — Госпроектстрой. Ровно через год (22 марта 1931 г.) в связи с созданием треста Госпроектстрой-2 трест приобретает числовую приставку и превращается в Госпроектстрой-1.

С Госпроектстроем-1 и оказывается накрепко связанной вся дальнейшая творческая биография Анатолия Степановича.

Формируемая общегосударственная система массового обеспечения строительной документацией программ индустриального развития страны, все более и более «заточивается» под задачи ускоренного типизированного проектирования. Именно в связи с

---

¹² СЗ СССР. 1928. Отдел первый. № 33. ст. 297.

¹³ Там же. С. 649.

отработкой технологии поточно-конвейерного проектирования и создается Госпроектстрой-1. Он является «экспериментальной площадкой», местом, где возникают новые формы организации труда проектировщиков промышленного строительства, полигоном для «отчуждения» и освоения советскими специалистами передового мирового опыта промышленного проектирования.

Здесь работают лучшие в мире профессионалы, способные проектировать гигантские заводы не за 1,5–2 года, а в десять раз быстрее — за 2–2,5 месяца. Это, специально приглашенные в СССР из Америки, сотрудники детройтской, фирмы «Albert Kahn Associates Incorporated». За их участие в проектировании советской промышленности правительство платит Альберту Кану огромную, немислимую по тем временам сумму — около 200 миллионов долларов. В каком конкретном виде она выразилась — в нескольких вагонах денег или в нескольких тоннах золота, сегодня, наверное, уже невозможно узнать.

Альберт Кан был известен в Америке, как «архитектор Форда», потому, что спроектировал для фордовского концерна, практически, все заводы. Но, на самом деле, сотрудником Генри Форда он не являлся. Он был бизнесменом, владеющим собственной, достаточно крупной, проектной конторой, которую он превратил в идеально отлаженный конвейер по изготовлению проектов. Он работал и по заказам «Дженерал Моторс», и проектировал генеральные планы американских металлургических заводов. Его интересовало лишь одно — каким образом можно изготовить проект быстрее, качественнее и с меньшими затратами. Он был гением изобретательства в организации строительного проектирования. Широко известно его высказывание о том, что «промышленная архитектура на 90 % состоит из бизнеса, и только из 10 % таланта». Этот тезис он воплотил практически.

К искусству архитектурного формообразования, понимавшемуся как творчество, его деятельность имела весьма отдаленное отношение. Когда, например, А.К. Буров познакомился, во время своей командировки в США (1930 г.), с организацией работ в фирме А. Кана, то он высказывался об американской организации проектного процесса очень скептически: «С архитектурой у них совсем нудно. Вместо архитекторов у них огромное бюро. Это «business» (в настоящее время очень дрянной)... первое впечатление такое, что один делает эскиз, другой — план, третий — фасад, четвертый — интерьеры, пятый, шестой, седьмой — двадцатый — электричество, конструкции, водопровод, канализацию, вентиляцию, рефрижерацию и т. п. Подписывает же это хозяин конторы, который никакого отношения ко всему этому делу не имеет...»¹⁴. При этом, что также не мог не отметить А.К. Буров, подобную технологию проектного процесса отличала высокая эффективность и производительность, не в пример советской, которая способна была опираться лишь на «... старый негодный опыт домашнего периода, старые традиции»¹⁵.

Промышленное проектирование в предреволюционной России основывалось на приоритете технологии. Она была главной — диктовала размеры и высоту корпусов, шаг колонн, размещение цехов по территории завода, трассировку транспортных путей и многое другое. Именно она «обрастала» потом архитектурно-строительной оболочкой. В СССР в период 1920-1930-х гг. не существовало единых, предпочтительных стандартов на строительные параметры промышленных зданий. Отсутствовала модульная координация отдельных частей зданий. Шаг несущего каркаса выбирался каждый раз по-новому, исходя из несущей способности металлических или бетонных конструкций. Он был и 4,5 м., и 5,0 м, и 5,2 м., 5,5 м. Проектные решения принимались ситуативно и бессистемно.

Альберт Кан предложил диаметрально противоположный подход — он пошел не от технологии к архитектурной форме, а от универсального пространства — к размещению

---

¹⁴ Андрей Константинович Буров: Письма. Дневники. Беседы с аспирантами. Суждения современников. — М.: Искусство, 1980. — 297 с., С. 35.

¹⁵ Там же. С. 42.

технологии. Он придумал способ быстрого создания из стандартных деталей универсального строительного объема, в который затем мог вписываться, практически без проблем, любой производственный процесс.

Особенность его подхода заключалась в создании внутрицехового пространства за счет крупноразмерной стандартной сетки пролетов на железобетонных или металлических колоннах, шагом 12x12 или 15x15 метров и подобным, кратным трем метрам. Типовым здесь было все — окна, фонари, двери, ворота, перемычки, водостоки, душевые кабины, подкрановые фермы, балки, колонны, фундаментные стаканы и проч. Все это не чертились, не рассчитывались и не изготавливались применительно к каждому проекту, а выпускались промышленным способом по определённым типоразмерам. Наличие сортамента готовых элементов отменяло потребность в подробных рабочих чертежах. Элементы лишь подбирались по каталогам и складывались воедино — таким образом «конструировались» проекты конкретных цехов, а из них, опять же, по стандартным схемам, «компоновался» затем и весь завод. Это давало большой выигрыш времени. Фасады выполнялись условно — на них изображался не внешний вид, который был не очень-то и важен, а способ «раскладки» по наружной стене ее типовых элементов — оконных блоков, перемычек, дверных полотен, ворот и т. п. «Компоновочные», сборочные, монтажные чертежи быстро выполнялись в карандаше и размножались на светокопировальных машинах. Чертежи готовились и утверждались одновременно с рытьём котлована, строительные конструкции заказывались по телефону и доставлялись прямо к началу строительства. Американцы сэкономили не на расходе стали и бетона, а на снижении трудоёмкости всех видов работ и ускорении монтажа.

Было ли все это персональным изобретением Альберта Кана или он лишь обобщил существовавший до него опыт, приведя его к единым принципам — не важно. Важно то, что в СССР в тот период ничего подобного не было. Именно поэтому, в апреле 1929 г., руководитель Армторга С.Г. Брон подписывает с Альбертом Каном контракт о проектировании Сталинградского тракторного завода. Официальное название Амторга — «Амторг Трейдинг Корпорейшн» — советское торгпредство, уполномоченное представлять в США интересы ВСНХ и др. советских органов, имевших какие-либо экономические интересы в Америке. Будучи созданным 1 мая 1924 г., оно широкую деятельность развернуло с начала 1925 г., осуществляя закупки оборудования и техники, связанные с оборонной промышленностью и снабжением РККА, а также привлекая необходимых специалистов.

Проект Сталинградского тракторного завода, который с самого начала рассматривался как танковый, выполняется «Альберт Кан Инкорпорейтед» в рекордно короткие сроки — строительные конструкции изготавливаются в США, перевозятся в СССР и монтируются в течение шести месяцев. Как следствие, следующим заказом становится проект гигантского Челябинского тракторно-танкового завода. А в феврале 1930 г. Стройобъединение ВСНХ СССР заключает новый договор, согласно которому фирма А. Кана становится главным проектировщиком и консультантом советского правительства по промышленному строительству. Согласно договору, в мае 1930 г. в Москву приезжает группа примерно из сорока сотрудников А.Кана и американский образец организации проектирования принимается за основу формирования общегосударственной системы проектного дела в СССР.

В то же самое время — с января 1929 г., двадцатилетний Анатолий начинает работать в системе ВСНХ. В частности, в составе специальной группы по проектированию Челябинского тракторного завода. Она создается при Гипромезе — Государственном институте по проектированию металлических заводов.

В начале 1930 г., он, скорее всего, не без участия В. А. Веснина, приходит работать в Госпроектстрой. Через четыре месяца он назначается на должность заместителя заведующего архитектурным отделом и непосредственно, самым прямым и тесным образом, начинает сотрудничать с американскими архитекторами. Ему приходится заниматься не столько, собственно, архитектурным проектированием, сколько решать самый сложный

комплекс конструктивных и технологических задач. За полгода, он становится «узким специалистом широкого профиля» — универсалом, способным в уме сопоставлять все взаимные требования и ограничения, которые выдвигаются со стороны смежных дисциплин и принимать единственно верные решения, которые невозможно получить в отрыве от других вопросов. В результате, в октябре 1930 г. он назначается заведующим управлением по технической части, а через год, 5 октября 1931 г. — главным архитектором Госпроектстроя — содержательным руководителем головной проектной организации ведущих отраслей военно-промышленного комплекса (машиностроительной и металлургической).

В этом назначении, свою роль сыграло и глубокое техническое образование инженера-строителя, полученное А.С. Фисенко в стенах МВТУ, которое давало возможность свободно разбираться в сложнейшем клубке требований смежных дисциплин. И накопленный к этому времени проектный опыт, позволявший видеть проблемы организации проектного дела и решать их. И свободное владение тремя иностранными языками — он оказывается одним из немногих, кто может непосредственно общаться с американцами. И умение руководить людьми, формируя из них образцовую проектную организацию, в которой отрабатываются формы бригадной работы, внутренней кооперации, стандарты оформления проектной документации и проч. В итоге, в течение шести лет, и после того, как трест Госпроектстрой-1 в 1932 г. был преобразован в Металлостройпроект, и потом, с 1933 г., когда на его базе был создан Промстройпроект, Анатолий Степанович остается в должности главного архитектора и главного инженера.

С Госпроектстроем связаны надежды руководства ВСНХ в выполнении планов первых пятилеток. На эту головную государственную проектную контору, помимо огромных объемов выпуска проектной документации, возложены функции «учебно-производственного предприятия» — «кузницы кадров». На 29-летнего молодого человека, фактически, персонально возлагается задача обобщения опыта поточного промышленного проектирования, передачи его как можно большему количеству советских архитекторов. Через Анатолия Степановича проходят все новые и новые специалисты, которые командированы в Госпроектстрой и прямо со студенческой скамьи, и из других проектных организаций. По мере обучения они переводятся в иные проектные институты, подведомственные ВСНХ и там реализуют принципы самой передовой организации проектного процесса, формирует систему массового проектного дела.

Кстати, Альберт Кан, скорее всего, не был посвящен, в «педагогическую» сверхзадачу, негласно возложенную на его фирму. Он был обескуражен постоянной «текучкой» кадров в Госпроектстрое — заменой, немного поработавших и чуть поднабравших опыт, одних советских сотрудников на других — не опытных и не квалифицированных; постоянным привлечением к работе студентов, пусть и способных, но мало что умеющих. А. Кан писал в своем письме председателю Союзстроя Н.П. Комарову: «Из 300 работников очень немногие являются опытными, большинство [...] имеет небольшой стаж, а многие являются просто учениками [...]. Если бы какая-либо деловая организация в Соединенных Штатах или в какой-либо другой стране имела такой состав работников, то не прошло бы и нескольких месяцев, как эта организация потерпела бы банкротство»¹⁶. Он не предполагал, что все это делается специально. Для того, чтобы, как можно большее количество специалистов смогло пройти обучение поточно-конвейерному способу проектирования. Но Анатолий Степанович, руководивший этой кадровой программой, прекрасно понимал потребность народного хозяйства страны в кадрах проектировщиков. Он не участвовал во всесоюзной дискуссии о рациональной организации коллективной проектной деятельности, развернувшейся в 1930 г. на страницах профессиональной печати. Он эту организацию создавал практически.

История советской промышленной архитектуры почти никогда не упоминала вместе

---

16 / За индустриализацию, 5 февраля 1930 г.

имен Анатолия Фисенко и Альберта Кана. Несмотря на то, что технология ускоренного проектирования Альберта Кана, переработанная под руководством Анатолия Фисенко в метод поточно-конвейерного проектирования Госпроектстроя, а также разработанные здесь же основополагающие конструктивные решения и схемы компоновки промышленных узлов, а также принципы проектирования генеральных планов заводогигантов, оказались решающими для выполнения планов первых пятилеток и базовыми для нескольких последующих десятилетий.

Именно на плечах Анатолия Степановича лежала гигантская по объему организационная работа, с которой он блестяще справился, осуществив ее в кратчайшие сроки и параллельно с выпуском огромных массивов проектной документации. В результате, в отечественную практику промышленного проектирования были привнесены жесткие требования использования деталей и узлов повторного применения, принципы модульной координации, была отработана и законодательно затверждена идея стандартизации чертежей. Разработан списочный состав их обязательного комплекта — фундаменты, каркас, ограждающие конструкции и т. д.; определены их форматы — что в какую часть входит и проч. Отработаны и зафиксированы единые правила оформления рабочих чертежей и т. п. «Стандартизация» и «унификация» — понятия, ставшие сегодня в профессиональном обиходе почти бранными — были жизненно необходимы в те годы для обеспечения, требуемых объемов промышленного строительства.

В Америке в фирме «Альберт Кан Инкорпорейтед» трудилось около 400 сотрудников, но, выработанная в ней, уникальная технология проектирования, позволявшая сокращать сроки разработки проектной документации промышленных объектов в десятки раз, накрепко связана с именем одного лишь Альберта Кана. Благодаря этой технологии, уже после прекращения контракта с СССР, во время Второй мировой войны (1941 г.), фирма «Альберт Кан Инкорпорейтед» спроектировала крупнейший авиационный завод бомбардировщиков за один месяц! От начала до конца! Со всеми деталями! В эти невероятные сроки, наверное, и сегодня невозможно выполнить подобный объем работ.

В Госпроектстрое-1 постоянно работало сотрудников в 4 раза больше, чем в фирме Альберта Кана — 1500. Кстати, в сравнении с другими советскими проектными организациями, например, с мастерскими Моссовета, в которых трудилось по 30–40 человек, это была огромная организация, мощнейшая проектная индустрия. Еще около 3000 человек прошли в стенах Госпроектстроя кратковременную подготовку, разнося по всей общегосударственной системе проектного дела, опыт ускоренного промышленного проектирования. Но отработанная в Госпроектстрое, благодаря, прежде всего, усилиям его главного архитектора и главного инженера (в одном лице) технология поточно-конвейерного проектирования промышленных объектов, никогда не упоминалась в связи с именем А. С. Фисенко. Как и отработанная здесь же, специфическая форма административной организации больших проектных коллективов государственных проектных институтов, в таких своих аспектах, как: формальная структура, роль коллективного решения проблемных вопросов на техсоветах, особенности процесса «подчинения-руководства», характер иерархического устройства и системы «горизонтальных» связей и т. п. Это именно та форма организации массового проектного дела, которая, в значительной степени благодаря усилиям А.С. Фисенко, пришла на смену системе «персональных творческих мастерских», существовавшей до этого времени. Такова уж была в те годы специфика авторских прав на, как сказали бы сейчас, «объекты интеллектуальной собственности».

Имена Анатолия Фисенко и Альберта Кана навечно связаны в истории советской архитектуры. Хотя лично они никогда не встречались. Потому, что Альберт Кан ни разу не был в СССР, а Анатолий Фисенко — ни разу в США. За границу Анатолия Степановича вообще не пускали — шлейф секретности тянулся за ним, практически, всю его жизнь. Первый раз ему удалось поехать лишь во время хрущевской оттепели (1957 г.) в Чехословакию, в составе группы, нашпигованной соглядатаями, откуда он вернулся под большим впечатлением. Потом была командировка от Министерства среднего и

специального образования в ГДР. Но затем, примерно, в 1966 г., когда они с супругой решили поехать в Финляндию, его не пустили. То ли по причине обострения все той же секретомании, то ли потому, что мать Ванды Лидии Витольдовны Фисенко (урожденной Родыс) — жены Анатолия Степановича, была репрессирована во времена сталинского террора.

В отечественно литературе, посвященной истории промышленной архитектуры, практически никогда не освещалась роль архитекторов в формировании советского военно-промышленного комплекса. Считается о том, что автомобильные, тракторные, вагоноремонтные, локомотивные и др. заводы проектировались исключительно как автомобильные, тракторные, локомотивные и вагоноремонтные. За годы советской власти привычным для многих советских людей и уже не особо привлекающим внимание, стало знание о том, что на каждом из заводов мобилизационными планами предусматривался переход на выпуск военной продукции. Сегодня эта страница истории отечественной архитектуры дозрела до своей проверки и, возможно, коренного пересмотра. Потому, что, рассекреченные за давностью лет, исторические факты свидетельствуют, что на Харьковском паровозостроительном заводе с самого начала планировалось производить танки «БТ» (типа «Кристи»); а на заводе им. Ворошилова в Ленинграде, и на заводе «Большевик» (с привлечением завода «Красный путиловец»¹⁷) изначально — танки «Т-26» (типа «Виккерс»); на Московском (2-ой завод ВАО) и Нижегородском заводах (Горьковский автозавод) — танкетки¹⁸; на заводе «Большевик», Сталинградском тракторном — малые танки; на Челябинском тракторном, Харьковском паровозостроительном им. Коминтерна, Ижорском заводе (корпуса), предприятиях Авиапрома (двигатели), Харьковском тракторном — средние танки; на заводах «Экскаватор» (Урал), «Большевик», № 147 им. К.Е. Ворошилова — тяжелые; на Ярославском автомобильном и заводе АМО (Москва) — танки прикрытия¹⁹.

Скорее всего, эти заводы уже с первых чертежей проектировались как военные, а гражданская компонента была «вшита» в них больше как маскировка и побочный фактор. Система «ассимилированного военно-гражданского производства», созданная в годы первых пятилеток в СССР (которая, собственно говоря, и именовалась «индустриализацией») — до сих пор остается нераскрытой страницей отечественной истории. Анализ того, как проектировщикам удавалось в кратчайшие сроки решать сложнейшие задачи совмещения в одном генплане двух очень разных технологий производства, организовывать в единой пространственной структуре процессы перемещения разных контингентов людских потоков (обычных и «засекреченных») и передвижения различных видов грузопотоков (гражданских и военных), решать бытовые вопросы и, при этом, обеспечивать изоляцию «военного» от «гражданского» и т. п., позволит вычлнить уникальный опыт, имеющий сегодня не просто академический исторический интерес, но и огромное педагогическое значение.

Госпроектстрой сыграл в формировании советского военно-промышленного комплекса ключевую роль. В его стенах советские и американские проектировщики спроектировали, фактически, всю танковую, тракторную, автомобильную индустрию — 550 важнейших промышленных объектов первой пятилетки. Некоторые из них возводились по разработанным здесь чертежам и в последующие годы. В Госпроектстрое были спроектированы все советские шарикоподшипниковые заводы, вся металлургия. А ведь

---

¹⁷ Великая Отечественная война. Красная армия. Энциклопедия вооружения: Танки. Т-26 [электронный ресурс] 2009. 0,5 п.л. — режим доступа: <http://wwii-redarmy.narod.ru/T26.htm> — на рус. яз.

¹⁸ Самуэльсон Л. Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса

¹⁹ Самуэльсон Л. Л. Указ. соч., С. 189; Свирин М.Н. Броня Крепка. История советского танка. 1919–1937. М.: Яуза. Эксмо. 2005. — 384 с., С. 178.

металлургические заводы — довольно специфическая область проектирования. Собственно, архитектура там играет совсем незначительную роль. Главное, не внешний вид строительной оболочки, а то, как она способна включать в себя оборудование и обеспечивать различные аспекты реализации производственного процесса — вентиляцию, аэрацию, освещение, гигиену, отдых рабочих и проч.; в какой мере изначально предусматривает перспективы развития технологии и периодическое переоборудование; как решает организацию горячих цехов металлургических комбинатов, в отношении которых и возникают основные сложности.

В Госпроектстрое эти проблемы были решены. После того, как здесь завершается «черновая» отработка ключевых положений методики и основные процедуры проектирования, формируются образцовые комплекты проектной документации, выстраивается структура управления проектным производством, 22 марта 1931 г. приказом ВСНХ СССР № 158, опыт, накопленный в стенах Госпроектстроя, переносится на другие сферы промышленного проектирования — создается еще один головной проектный институт, на который возлагается проектирование сооружений других важнейших отраслей военно-промышленного комплекса: химической, авиационной, текстильной, резиновой промышленности — Госпроектстрой-2. Образуется он лишь после того, как собирается достаточное количество («критическая масса») специалистов, прошедших организационную выучку основного Госпроектстроя, способных составить кадровый костяк новой крупной проектной организации.

К концу 1931 г. ВСНХ СССР объединяет в своих руках самые передовые поточно-конвейерные технологии «промышленного» и «градостроительного» проектирования. Одни к этому времени почти отработаны и внедрены в Госпроектстрое-1 с помощью американских специалистов фирмы «Альберт Кан Инкорпорейтед». Другие — в Стандартгорпроекте с участием специалистов международной группы Эрнста Мая.

Талант — вещь редкая и в отсутствии профессионализма не проявляющаяся. Анатолий Степанович был профессионалом. Профессионалом высочайшего класса. Для страны большой удачей стало то, что именно такого человека руководство ВСНХ назначило на этот важнейший пост. Благодаря его организационному таланту и интеллектуальным усилиям американский опыт был всесторонне осмыслен в рамках коллектива Госпроектстроя-1 — адаптирован к советским условиям, переработан, применительно к российскому менталитету, приспособлен к техническим возможностям отечественного строительного комплекса, переведен в нормали и нормативы, зафиксирован в стандартах проектных решений, отжат до оптимальных комплектов чертежей, переведен в типоразмеры конструктивных элементов и принципы их сборки в целое, привит конкретным людям .... Анатолий Степанович сформировал основы всей системы промышленного проектирования в СССР. Хотя и изначально об этой задаче не подозревал, и потом, никогда не осознавал себя в подобной роли.

Постановление СТО от 26 ноября 1931 г. «О мероприятиях по упорядочению проектирования капитального строительства промышленности» реформирует всю существующую систему институтов и контор технологического проектирования всех отраслей промышленности, предписав сделать это на основе организационного устройства и принципов максимальной специализации, типологизации и конвейерного изготовления проектно-сметной документации, выработанной в стенах Госпроектстроя. В начале 1932 г. по образцу Госпроектстроя реорганизуются все проектные организации промышленного проектирования всех отраслей промышленности (!). Образуются единые «конторы строительного проектирования» — Машиностройпроект, Химпроект, Вузстройпроект, Сантехпроект, Водоканалпроект, Промтранспроект и др. Это настоящие проектные гиганты в своих отраслях промышленности. Один лишь Машиностройпроект, обеспечивающий потребности строительных организаций среднего и легкого машиностроения, обслуживает такие объединения и тресты, как: Союзтекстильмашина, Союзпродмашина, Дормашобъединение, Союзтранстехпром, Госшвеймашина, Союзмельмаш,

Насоснокомпрессорное, Станкообъединение, Союзинструмент, Союзстроймашина, Нефтемашина, Союзформолитье, Оргаметалл, Реммаштрест, ВАТ, ВОКО, Метизобъединение, ВЭО, ВЭСО, ВОТИ, «Техника безопасности», ВОМП, ВОВИП, и «Авиационная промышленность»²⁰. Сам Госпроектстрой-1 постановлением Наркомтяжпрома СССР № 119 от 21 февраля 1932 г. реорганизуется в трест Металлострой-проект, который обслуживает такие объединения тяжелого машиностроения (т. е. военно-промышленного комплекса), как: ВОМТ, Восхим, «Локомотив», Вагонотормозное, Дизельное, «Котлотурбина», ВАТО, Союзверфь, Речсоюзверфь, ВОАО, РУЖ, Снарядный трест, «Патрубвзрыв»²¹.

Кстати, после этого, иностранные архитекторы оказываются ненужными и неуместными, особенно в ходе дальнейшего развертывания ВПК. Поэтому от их услуг, фактически, одновременно (по команде свыше) отказываются Металлостройпроект, Союзстандартжилстрой, Востоксоюзстрой, Союзтранстехпром и др. организации. Срок пребывания Анатолия Степановича в стенах Госпроектстра почти точно совпадает со сроком работы здесь же специалистов фирмы «Альберт Кан Инкорпорейтед». Вскоре после их отъезда (в 1932 г.) непрерывная трудовая карьера Анатолия Степановича прерывается — его арестовывают. Может быть за то, что в февральском номере итальянского журнала «DOMUS» за 1930 г. были опубликованы фотографии с двух его построек — здания лаборатории высокого напряжения и высоковольтных испытаний ВЭИ и лаборатории шерсти в Московском Текстильном институте. А может быть, за «кадетско-казацкий заговор». В НКВД его спросили «ты был кадетом?» Он ответил «да». А так как спрашивающие не особенно различали (или не хотели этого различия замечать) «кадета», как выпускника кадетского училища и «кадета», как члена партии «конституционных демократов», то под Анатолия Степановича стали «формировать дело». Больше полугода он провел в Бутырке. Потом выпустили. Но не потому, что разобрались — истина в те годы значения не имела. Анатолию Степановичу помог Виктор Александрович Веснин — написал куда-то какое-то письмо, с кем-то переговорил ....

После выхода из тюрьмы Анатолий Степанович проектирует Горьковский автомобильный завод. Для этой работы при Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева создается отдельная мастерская. Создание специально под А.С. Фисенко отдельных проектных мастерских для сосредоточенной работы над особо важными объектами — характерная черта жизненного пути Анатолия Степановича — архитектурно-проектная мастерская на строительстве нового ЦАГИ в г. Жуковском (1936 — 1939 гг.), проектная мастерская Главгидропроектстроя НКВД СССР для проектирования Куйбышевского гидроузла (1939 — 1941 гг.) и др.

В 1939 г. его опять арестовывают. Может быть, вновь высветилось его «кадетское прошлое», а может быть, всплыли совсем недавние «американские связи». Но его опять вытянули из застенка — и на этот раз вмешались какие-то заступники.

В 1942–1947 гг. А.С. Фисенко — как главный архитектор Государственного института проектирования предприятий авиационной промышленности (Госавиапром) занимается перебазированием авиазаводов на восток страны — решает вопросы формирования временных поселений и городков при заводах и научно-исследовательских институтах авиационной промышленности.

Его труд в годы Великой Отечественной войны высоко оценивается руководством страны — в 1944 г. Анатолий Степанович награждается Орденом Красной Звезды, в 1945 — Орденом Трудового Красного Знамени и медалями: «За оборону Москвы» и «За доблестный

---

²⁰ «Об организации сети контор строительного проектирования» — Постановление коллегии НКТП № 119 от 21 февраля 1932 г. // Наше строительство. 1932. № 9. с. 443–444., С. 443.

²¹ Там же. С. 443.

труд в Отечественной войне». Позднее, в 1953 г. он награждается медалью «За трудовую доблесть», а в 1961 г. — орденом «Знак Почета».

Карьеры Анатолий Степанович Фисенко не делал. Ее за него делала сама жизнь. Ему просто везло — он всегда оказывался в нужном месте в нужное время. И в отношении полученного образования — проектировщики промышленности оказались в 1930-е гг. крайне востребованы в связи с развернутой индустриализацией. И в отношении мест работы — ЦАГИ, Металлострой ВСНХ, Госпроектстрой-1, Военно-инженерная академия, Главгидрострой НКВД СССР, Гипроавиапром и т. д. И в отношении знакомств — А.В.Кузнецов, В.А.Веснин, А.Н.Туполев, В.М.Келдыш и др. И в отношении подготовки кадров — он по праву считается одним из отцов-основателей советской школы промышленного проектирования.

В 1946 г. Анатолий Степанович утверждается в звании «профессор». В 1950 г. избирается членом-корреспондентом Академии Архитектуры СССР. А когда Академия Архитектуры преобразуется в Академию Строительства и Архитектуры, становится действительным членом. С конца 1950-х гг. он сосредотачивается на преподавании — организует в МАРХИ Факультет промышленного строительства и становится первым деканом.

В 1964 г. А.С. Фисенко получает степень «доктора архитектуры». Причем без защиты диссертации — фактически, по совокупности работ. Подобный случай редким в советский период существования архитектурной профессии.

Область промышленного проектирования в СССР в значительно меньшей степени, нежели гражданская архитектура, подвергалась художественно-образному контролю со стороны власти. Если здания заводов-управлений, шлюзов, аэропортов, проходных и заводских общежитий не избежали принудительного «увлечения» их авторов сталинским ампиrom. То, собственно, цеха, градирни, корпуса литеек и теплоэлектростанций, склады и домны практически все время оставались зоной строгого техно-гического и конструктивного рационализма. Их почти не коснулись ни стилистические веяния сталинского соцреализма, ни раскаты хрущевской битвы с излишествами. Анатолию Степановичу и здесь повезло. Хотя бы в том, что ему, как и другим архитекторам-промышленникам, не пришлось по команде свыше менять свои профессиональные убеждения и начинать с утра проповедовать то, с чем еще вчера вечером он яростно спорил ...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Многие моменты истории профессии архитектора в СССР до сих пор так и остаются до конца не проявленными. Например, не разъясненными остаются мотивы и нюансы ситуации выбора в качестве основного «подрядчика» советского ВПК именно фирмы А. Кана. Существовали ли в тот период в Америке фирмы, способные проектировать также быстро, как «Альберт Кан Инкорпорейтед»? Была ли кановская способность «мгновенного» проектирования, действительно, уникальной и руководству ВСНХ не оставалось ничего иного, как идти на контакт именно с ним? Какие доводы, кроме скорости проектирования рассматривались при принятии решения о заключении контракта с фирмой А. Кана? Каковы на самом деле были и условия его приглашения в СССР? Ответы на эти вопросы сокрыты в глубинах до сих пор не рассекреченных архивов.

Остается до конца не раскрытой конкретная роль сотрудников фирмы «Альберт Кан Инкорпорейтед» в становлении советского проектно-строительного комплекса. В формировании государственной системы массового архитектурно-строительного проектирования. Например, до сих пор не описанной осталась роль проектировщиков фирмы А. Кана в советском гражданском проектировании. Этому не удалось найти ни подтверждающих, ни опровергающих документов. Зато в четких формулировках и в детально проработанном контексте встают многие вопросы, которые никогда ранее не

только не прорабатывались, но даже и не возникали. Например, как распределялась работа и осуществлялись текущие рабочие контакты между сформированным в марте 1930 г. в Детройте из представителей «Челябтракторостроя» проектное бюро «Chelyabinsk Tractor Plant» и американскими сотрудниками фирмы «Albert Kahn Associates Incorporated» «расквартированными» в Госпроектстрое? Была ли их работа двумя частями единого процесса, перекинувшегося через океан или это были два автономных и независимых друг от друга проекта? Какую роль в организации непосредственного проектного взаимодействия двух временных проектных коллективов, размещенных в США и СССР играл лично Альберт Кан?

Как конкретно осуществлялась технология «снятия» американского опыта советскими специалистами в стенах «Госпроектстроя» и в «Chelyabinsk Tractor Plant»? В каком виде (отчетов, рекомендаций, организационно-управленческих решений и т. п.) фиксировались ее результаты? По каким принципам происходила адаптация американского поточно-конвейерного производства проектной документации к качественному составу советских проектировщиков, состоянию базы стройиндустрии, системе руководства-подчинения и т. п.?

Какую роль играло руководство ВСНХ (НКТП): а) в сознательном и планомерном кадровом и организационном обеспечении процесса переноса американского опыта в советских условиях; б) в кадровой политике в отношении подведомственных проектных организаций; в) в нормативно-методическом обеспечении проектной деятельности больших производственных коллективов институтов промышленного профиля в последствии составивших базис советской проектной индустрии; г) в организационно-управленческой оптимизации процессов руководства гигантской разветвленной системой проектного дела в СССР; д) во влиянии методов проектирования на развертывание технологий строительства.

Как разрешались множественные ситуации столкновения двух очень разных школ промышленной архитектуры — американской и советской?

Ставились ли изначально перед американскими инженерами и архитекторами задачи проектирования ассимилированных военно-гражданских предприятий или военную компоненту позже (после разработки гражданского проекта) «причерчивали» советские инженеры?

И, наверное, один из самых интригующих вопросов: осознавал ли Альберт Кан свою реальную роль в создании системы массового поточно-конвейерного проектирования промышленных предприятий в СССР, а, фактически, в формировании советского военно-промышленного комплекса?

Эти вопросы ждут своих будущих предметных исследователей — архитекторов, управленцев, историков, советологов и др.

Исследование роли А. Кана в советской индустриализации необходимо продолжать. Потому, что значение вклада его гениального организационно-проектного дара далеко выходит за рамки персонального творческого наследия. Оно неразрывно связано с формированием базовых устоев гигантской по своим масштабам и уникальной по своему устройству системы советского проектно-строительного комплекса.